

Ю.И.Чайкина*

«Роспись трубного дела» как один из памятников промыслово-ремесленного стиля русского литературного языка XV–XVII веков

В статье рассматриваются особенности специальной лексики в русском языке XVI–XVII вв. на примере «Росписи трубного дела» — уникального руководства по устройству шахты для добычи соли. Роспись обладает специфическими признаками с точки зрения ее синтаксической организации и лексического наполнения, что подтверждает предположение о формировании в указанный период особого промыслово-ремесленного стиля. Анализ источника обнаруживает основные пути формирования лексики севернорусских промыслов.

В 70-х гг. XX в. Б.А.Ларин затронул вопрос о неизученности посадской письменности конца XVI–XVII вв., т.е. времени, в течение которого закладываются основы русского национального языка. Этот период знаменателен тем, что именно тогда разговорный язык начинает фиксироваться в письменности [1].

В XVI–XVII вв. все посады на Руси являются центрами городской жизни, в них живет основная масса ремесленников, которые сами производят и сбывают свою продукцию. Посадская письменность была представлена росписями, ремесленными и мастерскими книгами. Указанные пособия служили руководствами по тому или иному мастерству, они предназначались для специалистов своего дела. К сожалению, эти ценнейшие источники по истории русского языка до сих пор не собраны, язык почти всех подобных книг не анализировался ни в каких лингвистических исследованиях [2].

Изучение данных ремесленных и промысловых книг имеет исключительную ценность, поскольку позволяет поставить вопрос о наличии в русском литературном языке XVI–XVII вв. особой функциональной разновидности — промыслово-ремесленного стиля. На основе материалов картотеки «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» [3] мы сделали попытку показать особенности данной функциональной разновидности [4].

Благодаря стараниям отечественных историков обнаружена и дважды опубликована промысловая книга «Роспись как зачать делать новая труба на новом месте» (в обиходе «Роспись трубного дела») [5].

Настоящая статья как раз и посвящена исследованию лексического состава и синтаксиса данной промысловой книги. В выполненной автором машинописной копии объем «Росписи» составляет 12 страниц. По словам историков, это интересное исследование по глубинному бурению скважин. Составлена рукопись на соляных промыслах Готьмы или Леденги, соляные шахты которых достигали значительной глубины — 200–500 м. Написание рукописи как раз и было вызвано сложностью бурения столь глубоких скважин.

* Чайкина Юлия Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета, руководитель проекта «История промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» (07-04-00125а).

Интересен вопрос об авторе «Росписи». Свою причастность к рукописи автор обозначил фразой: «Таковая роспись писана Сенькиной рукой» [5]. Известный историк Русского Севера П.А. Колесников, пересмотрев хранящиеся в местных архивах документы XV–XVII вв. (переписные книги XVII в., ревизские сказки XVIII в., приходо-расходные книги солеваренных промыслов и др.), нашел имена многих мастеров соляного дела, целые династии таких специалистов, передававших свой опыт из поколения в поколение. По мнению П.А. Колесникова, основателем династии солеваров в XV в. был Григорий Сабля, а его внук Семен Сабля и является автором «Росписи» [7].

Обратимся к лексическому составу «Росписи». Сразу сделаем оговорку: слова в источниках XVI–XVII вв., связанные с бурением соляных скважин, пока еще нельзя считать терминами в полном смысле этого слова, поскольку они не имеют основных признаков термина — однозначности, отсутствия коннотативных сем и др. Мы знакомимся с лексикой, пока еще в слабой степени подвергшейся терминологизации, правильнее ее называть специальной лексикой.

При создании ее работные люди прежде всего обращались к словам общего языка, значение которых в системе промысловой лексики почти не изменялось: *изба* (91. — здесь и далее в скобках указаны номера страниц оригинала «Росписи»), *анбарец* (191), *струб* (192), *бечева* (192), *доска* (192), *ящик* (192), *дверцы* (194), *рассол* (196), *лесница* (194), *ступени* (194) и др. Ср.: «Поставить изба от сох полсажени..., а изба бы стояла против сохи половиною стеною. Против сохи прорубать окно...» (191); «нижний конец у воротов утвердить в доску, а доска к земле пришить двумя сваями...» (192); «да зделати к большому подъему матишному... два ящика длиною по полутора аршин, а толщина тем ящикам по пяти вершков» (192); «зделать лесница, почему на матицу ходить людем и снасти носить; а лесница зделать извертить две пожилыны, промеж их наколотить ступеней, да прислонить спереди» (194) и др.

Являясь общеупотребительными, каждое из этих слов в то же время занимает важное место в системе промысловой лексики, связанной с бурением скважин.

Значительное число общеупотребительных слов получает специальное значение: речь идет о процессе метафоризации, причем последняя осуществляется за счет реализации семантической модели: 'предмет (бытовой)' > 'предмет, связанный с промыслом'. К числу их относятся такие слова, как *лукошко* (192), *игла* (193), *матица* (192), *пасынок* (192), *оследь* (192), *гойтан* (193), *шелом* (194), *мост* (195), *стебель* (195), *труба* (196), *сковородник* (201) и многие другие. Ср., например: *лукошко* в общем употреблении 'ручная корзинка', 'гнутой из луба короб' [8, VIII, 305], в промысловой лексике это 'железный обруч, надеваемый на рассолоподъемную трубу в месте соединения ставов': «а на том конце пробрести 3 дыры и заколотить железным гвоздем накрепко, чтобы лукошко с матицы не свалилось» (192); *игла* в общем употреблении 'тонкий металлический стержень с заостренным концом для вдвигания нитки', в промысловой лексике — 'брус, бревно, соединяющее брусья на верхнем конце матицы (рассолоподъемной трубы), на которые настилают пол сруба соляной шахты' [9, I, 241]:

«да те же две иглы словые ядерные, а игла тесати по дирам и заколотить на крепко» (193); пасынок в общем употреблении 'неродной сын', в промысловой лексике — 'деревянная деталь, откос столба' [8, XIV, 169]: «К тем же сохам приделать к нижнему концу по пасынку, а пасынки впустить глуботиной в сохи вершка в полтора, а пасынкам длина полтора аршина» (192); «Да те же пасынки посадить на гвоздье на деревянное» (192); гойтан в общем употреблении 'шнурок', в промысловой лексике — 'веревка' [9, 1, 125]: «Да те два ящика повесить на крепкие гойтаны на переклад» (192).

Активна семантическая модель 'часть тела человека' > 'предмет', особенно 'часть головы человека' > 'предмет': уши (192), (193), череп (194), губа (197), щеки (200), зубы (200), голова (201). Ср.: «Вверху у сох сделать уши и утвердить в ушах по колесу для взъему перекладного» (192); «Да на то же брусье по концам вынеть уши по полуаршина, в чем сохам стоять» (193); «А у затеси губа толстинного край треть вершка.., да и на ту подвойную шить суконный чулок.., а на губу того же чулка загнуть и мелкими гвозками приколоть частенко» (197); «А желонка длиною щеки девять вершков, а широты у щек, сколь толсты шесть» (200); «А голова у крюка гнуть столь велика, как бы прошла сквозь жерло» (201) и др.

Как видно, метафора имеет большое значение в пополнении состава промысловой лексики. Активизацию семантической модели 'часть тела человека' > 'предмет' легко объяснить тем, что одним из способов познания объектов окружающего мира является их сопоставление с частями человеческого тела (антропоморфизм).

В исследуемой лексике метафоризация в ряде случаев осуществляется и за счет семантической модели 'животное / часть тела животного' > 'предмет': боран (193), рогъ (194), собака (194), хвост (194), коровка (194): «Да в те же два бруса утверждать два столца, промежу их брусье, почему борану ходить.., с бораном сплотить те столцы на земли» (193); «А боранъ от мосту стоит аршин с вершком, толцины борану полтора аршина.., шея длиной пять вершков.., первой рог у борана от столца аршин без двух вершков» (194); «Воротовой стяг длиною полторы сажени, собаки грузовые длиною по три четверти аршинные, а у тех собак хвосты по полусажени» (194); «Среде ладила коровка полсема вершка» (194).

Мы уже отмечали наличие так называемых сквозных специальных слов, возникших в связи с общностью ряда трудовых процессов в разных промыслах и ремеслах [10]. В исследуемой «Росписи» чаще всего к «сквозным» относятся названия инструментов: ворот (192), напарья (194), бурав (194), трезуб (195), резец (195), лезье (195), долото (201), желонка (201). Ср.: «Да назаде тех сох поставить два ворота долгие о четырех пожилинах» (192); «Два бруса провертя... напарьею» (194); «Буде не найдет шелом, розмина бурава; стал на песку — тем же шеломом; мелкое каменье трезубы» (195) и др.

Заметное место в «Росписи» занимают составные наименования из двух компонентов: зависимого (уточняющего) слова и лексемы, обозначающей

родовое понятие (основной компонент). Составные наименования выражают единое целостное понятие и являются устойчивыми. Они выполняют три функции.

Первая состоит в том, что присоединение уточняющего слова к общеупотребительному приводит к формированию специальной лексики: опорное слово перестает обозначать бытовой предмет, оно становится названием предмета, связанного с промыслом: *голень* > *буравная голень* (200), *дерево* > *матишное дерево* (193), *бечева* > *подъемная бечева* (193), *кольцо* > *деревянное кольцо* (199), *стяг* > *воротовой стяг* (194), *шест* > *воротовой шест* (194), *росол* > *копезный росол* (198), *веретено* > *железное веретено* (195) и мн. др.

Вторая функция составного наименования связана с тем, что уточняющее слово указывает на отношение названия к предметам трудовой деятельности. Там, где уточняющее слово одно и то же, формируется объединение внутри системы промысловой лексики. Ср.: *дерево матишное* (192), *напарья матишная* (200), *тюрик матишный* (200), *резцы матишные* (201), *гнетка матишная* (194), *снасть матишная*, *матишная поделка* (193); *воротовой стяг* (194), *шея воротовая*, *воротовой шест* (194); *шелом железной* (195), *тюрики железные* (195), *трезуб железной* (195), *веретено железное* (195).

И наконец, третья (основная) функция состоит в том, что определяющий (зависимый) компонент составного наименования служит для различения (дифференциации) названий близких по назначению предметов труда. Ср.: *гвоздь железное* — *гвоздь деревянное* (192), *литейная трубка* — *подлитная трубка* — *подвойная трубка* (197), *оборотной крюк* — *веслой крюк* (201), *мост тесовый* — *бревянчатой* (199), *воротовой шест* — *тяглый шест* — *чищельный шест* — *затинный шест* (199, 199, 194, 198), *губной резец* — *подгубной резец* (195), *ворот стоячий* — *ворот земляной* (195), *взъем перекладной* — *взъем трубный* (192) и др.

Характер именно для специальной лексики глагольные составные наименования типа *снарвить нарвами* (193), *мосты наместить* (193), *струб срубить* (193), *став ставить* (198), *окружить кружалом* (193) и пр.

Как видно из сказанного, вся промысловая лексика, связанная с бурением соляных скважин, по происхождению восходит к общеупотребительной лексике русского языка XVI–XVII вв. Следует отметить почти полное отсутствие иноязычных слов (кроме слов *мастер* и еще нескольких). Богатые потенциальные возможности русского языка обеспечили формирование специальных промысловых слов, вступивших в системные отношения.

Синтаксический строй «Росписи» отражает особенности разговорной речи. Здесь отсутствуют построения текста, связанные с логическим развитием мысли, почти нет придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов. Как и в большинстве памятников делового языка Московской Руси XV–XVII вв., в «Росписи» отмечаем так называемое нанизывание предикативных конструкций, когда всякая следующая предикативная конструкция служит пояснением предыдущей, что и выстраивает их в цепочку. «Текст представляет собой как бы одно бесконечное предложение, в котором составляющие его части прилеплены друг к другу без видимой формальной связи

между собой» [11]. Ср.: «Поставить изба от сох полсажени, супротив ея анбарец для трубных снастей; промеж ими две сажени, а изба бы стояла против сохи половиною стены. Против сохи прорубить окно близь потолок для сушения векошных бечев, или в морозы для таенья» (193).

Предикативные конструкции могут присоединяться друг к другу союзами и, а, да, не выражающими определенных логических отношений: «На нижнем конце у болвана... продолбить наскрозь вверх по болвану 4 конца, да на тот же конец посадить кольцо о всем болване, толщина и ширина полвершка, а позади болвана засечь у пяты рецовой в треть болвана в глуботину, а верх шесть вершков» (195); «Добыть матишное дерево шести сажен или пяти с край на край аршин, а то дерево вытесать и выскоблить; на нижней конце насадить кольцо ширина кольцу два вершка, толщина верхнему краю кольца полвершка... и на том кольце пробрести 3 дыры и заколотить железным гвоздем накрепко» (192).

Несмотря на кажущуюся организованность текста, все понятно, поскольку текст связан. Связанность текста обеспечивается не только наличием сочинительных союзов, но также лексическим повтором и эллипсисом.

Лексические повторы весьма важны, характерны для всего текста «Росписи». Ср.: «Да к тем сохам приделать к нижнему концу по пасынку, а пасынки впускать глубиною в сохи вершка в полтора, а пасынкам длина полтора аршина, да на пасынке и на сохе вынести колесу гнездо» (192). «На конопати запустить в став кругом затески тряпочка тонких ветошей... да повести тож конопать, а конопать лыка мять вялые намелько» (197); «Малого трезуба шестерики зубье длиной три чети аршинных, трезуба другою с вершком..., а большой трезуб матишной длиной в полсажени» (201) и др.

Значительно реже средством связи является эллипсис: «Бы матицу потесать на низ после, и в те поры смотреть надобе бережно по отвесу прямо, чтоб в сторону [матица] не ушла» (195). «Малого трезуба шестерика зуба длиной три чети аршинных... да среднево [трезуба] в аршин, половина другая доле..., среднево [трезуба] две трети вершка» (201).

Жанр памятника («Роспись» — руководство к действию) определил своеобразие синтаксической структуры предикативных единиц: основная масса предложений относится к односоставным (отсутствие подлежащего, так как составитель обращается к каждому специалисту по бурению скважин), сказуемое выражено инфинитивом в функции повелительного наклонения: «Поставить сохи, по дереву смотря матишному» (192), «Добыть матишное дерево шести сажен или пяти» (192), «Да к тем сохам приделать к нижнему концу по пасынку, а пасынки впускать глубиною в сохи вершка в полтора» (192). Значительно реже сказуемое выражается глаголом в повелительном наклонении: «И бы пособит... поди на низ, стал на шекоту, поди шеломом» (194) и др.

Хотелось бы надеяться на то, что в ближайшем будущем исследованию подвергнутся ремесленные книги и других промыслов Северной Руси.

Примечания

1. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVII в.). М.: Высшая школа, 1975. С. 258.
2. Б.А.Ларину удалось обнаружить 10 ремесленных книг, но где они находятся сейчас — неизвестно. Там же. С. 262.
3. Картотека «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв.» хранится на кафедре русского языка Вологодского педуниверситета.
4. Чайкина Ю.И. Об одной функциональной разновидности русского языка XVI—XVII вв. // Филологические науки. 2000. № 2. С. 106—112.
5. Прозоровский Д.М. Старинное описание солеваренного снаряда // Известия Археологического общества. Т. VI, отд. 1. СПб., 1869. Вып. 3; Колесников П.А. Первое инженерное наставление по глубинному бурению скважин // Проблемы историографии и источниковедческой истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 189—203.
6. Прозоровский Д.М. Старинное описание...
7. Колесников П.А. Первое инженерное наставление... С. 190.
8. Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—26. М., 1975—2002.
9. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв. Вып. 1 (А—И). СПб., 2003.
10. Чайкина Ю.И. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономаσιологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси) // Русская региональная лексикология и лексикография. Вологда: Русь, 1999.
11. Живов В.М. Деловой язык средневековой Руси и синтаксис берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Материалы международной конференции (Великий Новгород, 24—27 сентября 2001 г.) / Под ред. В.Л.Янина. М.: Индрик, 2003. С. 284—295.